

Об Александре Сергеевиче

Восстань, пророк...

- 1: [О Пушкине и Судье](#)
- 2: [О Пушкине и журналистах](#)
- 3: [О бароне Дельвиге](#)
- 4: [Пушкин и московские литераторы](#)

“Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей”

[Пушкин против “Девятки”](#)

1 - О Пушкине и Судье

Кому поэт перешел дорогу...

О Белом коне, всаднике, его приспешниках и проч....

"...И внемлет арфе Филарета

В священном ужасе поэт"

Предсказание

Был один удивительный момент в молодости Пушкина, наложивший отпечаток на всю его жизнь. Речь идет о необычном предсказании. Об этом пишут современники поэта. Например, его брат Лев Сергеевич писал:

«Известность Пушкина и литературная, и личная с каждым днем возрастала. Молодежь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и рассказывала о нем анекдоты. Все это, как водится, было частью справедливо, частью вымыслено. Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатление. В это время находилась в Петербурге старая немка, по фамилии Кирхгоф. В число различных ее занятий входило и гадание. Однажды утром Пушкин зашел к ней с несколькими товарищами. Госпожа Кирхгоф обратилась прямо к нему, говоря, что он – человек замечательный; рассказала вкратце его прошедшую и настоящую жизнь, потом начала предсказания сперва ежедневных обстоятельств, а потом важных эпох его будущего. Она сказала ему между прочим: «Вы сегодня будете иметь разговор о службе и получите письмо с деньгами». О службе Пушкин никогда не говорил и не думал; письмо с деньгами получить ему было неоткуда; деньги он мог иметь только от отца, но, живя у него в доме, он получил бы их, конечно, без письма. Пушкин не обратил большого внимания на предсказания гадалщицы. Вечером того дня, выходя из театра до окончания представления, он встретился с генералом Орловым. Они разговорились. Орлов коснулся службы и советовал Пушкину оставить свое министерство и надеть эполеты. Возвратясь домой, он нашел у себя письмо с деньгами: оно было от одного лицейского товарища, который на другой день отправился за границу; он заезжал проститься с Пушкиным и заплатить ему какой-то карточный долг еще школьной их шалости. Госпожа Кирхгоф предсказала Пушкину его изгнание на юг и на север, рассказала разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся, предсказала его женитьбу и, наконец, преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать ее от руки высокого, белокурого человека. Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражен постоянным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал»

Сейчас все обращают внимание на фразу про белокурого человека (Weisskopf). Да, Дантес был блондин. Однако дословно предсказание звучало так: *“weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch”* Т.е. *“белый конь, белая голова, белый человек”*.

Вот воспоминания друга поэта С. А. Соболевского:

«В многолетнюю мою приязнь с Пушкиным я часто слышал от него самого об этом происшествии, он любил рассказывать его в ответ на шутки, возбуждаемые его верою в разные приметы. Сверх того, он в моем присутствии не раз рассказывал об этом именно при тех лицах, которые были у гадалщицы при самом гадании, причем ссылался на них. Для проверки и пополнения напечатанных уже рассказов считаю нужным присоединить все то, о чем помню положительно. Предсказание было о том, во-первых, что он скоро получит деньги; во-вторых, что ему будет сделано неожиданное предложение; в-третьих, что он прославится и будет кумиром соотечественников; в-четвертых, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой головы или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которых и должен он опасаться. Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой, нашел совершенно неожиданно письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Италии. Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича; не менее странно было для него и то, что несколько дней спустя, в театре, его подозвал к себе А. Ф. Орлов и стал отговаривать его от поступления в гусары, а предлагал служить в конной гвардии... Вскоре после этого Пушкин был отправлен на юг, а оттуда, через четыре года, в псковскую деревню, что и было вторичною ссылкой. Как же ему, человеку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказания, которое дотоле исполнялось с такой буквальной точностью??? Прибавлю следующее: я как-то изъясил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу. «Это все-таки следствие предсказания о белой голове, – отвечал мне Пушкин. – Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные общества, даже и самое масонство получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf, Weisshaupt – одно и то же».

Его слова про weisser Ross подтверждает Бартенев:

«В Петербург раз приехала гадательница Кирхгоф. Никита и Александр Всеволодские и Мансуров Павел, актер Сосницкий и Пушкин отправились к ней (она жила около Морской). Сперва она раскладывала карты на Всеволодского и Сосницкого. После них Пушкин попросил ее загадать и про него. Разложив карты, она с некоторым изумлением сказала: «О, это голова важная! Вы человек не простой!» Т. е. сказала в этом смысле, потому что, вероятно, не знала по-русски. Слова ее поразили Всеволодского и Сосницкого, ибо, действительно, были справедливы. Она, между прочим, предвещала ему, что он умрет или от белой лошади, или от белой головы (Weisskopf)».

Действительно, про белую голову все понятно. Дантес...

А вот БЕЛАЯ ЛОШАДЬ что такое? Ведь Пушкин придавал огромное значение предсказанию. И даже бывало говорил друзьям, что каждый раз, когда садится в седло, мысленно навсегда прощается с жизнью.

Тут уместно вспомнить одного "девяточного" святого преподобного Филарета Московского - священнослужителя времен Александра Сергеевича. В метафизическом смысле пример Филарета абсолютно хрестоматийный. Показывающий, что христианство и, в частности, православие - религия 9-ки . Показывающий, какой грозной силе Пушкин- 2-ка противостоял всю жизнь...

Итак, Храм Христа Спасителя - кафедральный Собор православной церкви, тот, что на месте бассейна Москва. Главный Православный храм. И хранятся там мощи святого - преподобного Филарета Московского. Да, фигура знаковая! Де-факто, Патриарх Русской Церкви времен Николая I и Александра II (не де-юре, потому что Петр I (2-ка) в свое время "девяточный" Патриархат упразднил).

По поводу Филарета существует интереснейшая легенда, бережно хранимая поколениями богословов и священнослужителей, хотя, не думаю, что они понимают истинный ее смысл. Так вот, по преданию, незадолго до смерти Святителю во сне явился его покойный отец и сказал буквально следующие слова: **береги 19-е число!** Отец Филарета тоже

священнослужитель - непререкаемый авторитет! Фактически же, то были слова самого Бога Девятки , адресованные через Филарета всему православию - храните, берегите священную "ДЕВЯТКУ" ... Митрополит во всяком случае воспринял этот сон соответственно! И с тех пор 19-го числа каждого месяца старался обязательно служить Литургию. Ну а вскоре, именно 19-го числа (в ноябре 1867г) , после совершенной им с особым чувством и слезами Литургии отдал душу своему Богу ДЕВЯТКЕ ...

Да, это не просто легенда! Тут самая суть, самый цимус христианства в метафизическом смысле, конечно... И мощи Святителя не случайно перенесены в главный храм Девятки. Случилось это, кстати, в 2004 году - году 9-ки (год Обезьяны) 9-го числа .

А с Александром Сергеевичем Патриарха связывает следующее: Филарет озвучил приговор, вынесенный поэту Богом ДЕВЯТКОЙ - смертный приговор!

Вот как это было. В 1830-м году в альманахе “Северные цветы” Дельвига появилось стихотворение Пушкина “Дар напрасный, дар случайный...”. Графиня Елизавета Михайловна Хитрово (род. 19 сентября 1783г.) (Весы/Кот) ("4-ка") , указала на это стихотворение Митрополиту. Скажем так, не могла не указать! Поскольку 4-ка - “сателлит” "9-ки" . В общем, при посредничестве "4-ки" Хитрово между Пушкиным (2-ка) и Предстоятелем Русской Церкви (9-ка) состоялся своеобразный поэтический диалог.

Александр Сергеевич пишет:

Дар напрасный, дар случайный,

Жизнь, зачем ты мне дана?

Иль зачем судьбою тайной

Ты на казнь осуждена?...

Ответ Филарета, без особых изысков звучит, как приговор. Митрополит- 9-ка слегка переиначивает стихотворные строки, и становится ясно, что смерть поэта, неизбежно предстоящая, - это казнь, а судья ни кто иной, как сам Бог ДЕВЯТКА !

Филарет отвечает, как бы за Пушкина:

Не напрасно, не случайно

Жизнь от Бога мне дана,

Не без воли Бога тайной

И на казнь осуждена...

Тайная воля Бога Девятки ! Это и женитьба Пушкина на 9-ке Наталье Гончаровой, это и конфликт с 9-кой Дантесом, это и роковая дуэль в самый неблагоприятный для Пушкина период 9-ки ... Это, однако, и ТА САМАЯ ПРЕСЛОВУТАЯ БЕЛАЯ ЛОШАДЬ, или белый конь, на которого указала гадалка.

Так что же это за лошадь такая!? Белая!?

Ответ на поверхности. Белая лошадь есть СЛОВО БОЖЬЕ . Т.е. Слово самого Бога ДЕВЯТКИ ! И 9-ка -Филарет донес это Слово-приговор до 2-ки -Пушкина!!!

Речь идет о знаменитом Откровении святого Иоанна Богослова, ни много, ни мало. Тот самый Апокалипсис, Страшный Суд и все такое!

Обратите внимание! Четыре всадника Апокалипсиса! И первый явится на БЕЛОМ КОНЕ! Кто же? Назвал его Иринеи Лионский, влиятельный Христианский богослов второго века. Он первым утвердился во мнении и после убедил всех — это сам Иисус Христос! А образ белого коня богослов трактовал как успех распространения Евангелия. Богословы поддержали эту точку зрения, ссылаясь на последующее появление Христа на белом коне, как Слово Божие в Откровении.

Все так! Читаем главу ДЕВЯТНАДЦАТУЮ (!!!) Откровения Иоанна Богослова: *“И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим. [Он] имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. [Он был] облечен в одежду, обагренную кровью. Имя Ему: «Слово Божие». И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый. Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя. На одежде и на бедре Его написано имя: «Царь царей и Господь господствующих».”*

Так что, белый конь - это СЛОВО БОЖЬЕ - слово Бога ДЕВЯТКИ , а всадник - это 9-ка Иисус, или согласно иной интерпретации ДУХ БОЖИЙ, т.е. ДУХ ДЕВЯТКИ .

Белый цвет традиционно олицетворяет христианскую праведность, а *weisser Mensch* переводится не только как белый человек, но и как белая душа, или БЕЛЫЙ ДУХ!

Белый ДУХ ДЕВЯТКИ на белом коне "БОЖЬЕГО СЛОВА" ДЕВЯТКИ ! Вот он судья, осудивший *“наше Солнце”* - великого русского Поэта- 2-ку на смерть! Это явлено было прорицательнице, об этом предупреждала она юного Александра, как видела, по-своему... Это Пушкин, конечно же, расшифровать был не в силах...

2 - О Пушкине и журналистах

Коротко о лагерях Пушкина и Булгарина

Журналистские войны Александра Сергеевича

1830-е

(даты приведены по старому стилю)

Переехав в Петербург Александра Сергеевича с головой окунулся в бурную столичную литературную жизнь.

Со всем рвением, что не удивительно после ссылки. И уже к концу 1830-го года из-за околелитературных, публицистических схваток, в которых поэт сыграл свою роль, произошло размежевание энергетических сил.

“Холодный полюс”:

- Царь Николай I (25 июня 1796г.) (Рак/Дракон) (4-ка) ,
- Шеф жандармов Бенкендорф (23 июня 1782(или 1781) (Рак/Бык(илиТигр)) (“биполярный”) и проч.

иже с ними пригретые ими литераторы:

- Булгарин Фаддей Венедиктович (род. 24 июня 1789г.) (Рак/Петух) (“49”) ,
- Греч Николай Иванович (род. 3 августа 1787г.) (Лев/Коза) (“нейтр.”) ,
- братья Полевые
  - Ксенофонт Алексеевич (род. 20 июля 1801г.) (Лев/Петух) (“9-ка”)
  - Николай Алексеевич (род. 22 июня 1796г.) (Рак/Дракон) (“4-ка”) .

Да, приблизительно к этому времени Братья Полевые (“49”) заключили тактический союз с Булгариным (“49”) , обострив полемику между “Московским телеграфом”, “Северной пчелой”, “Сыном Отечества” (все детища 9-ки) , с одной стороны, и “Литературной Газетой”, “Северными цветами”, с другой.

Другая сторона - “Горячий полюс”:

- А.С. Пушкин (род. 26 мая 1799) (Близнецы/Коза) (2-ка) ,
- А.А. Дельвиг (род. 6 августа 1798) (Лев/Лошадь) (“нейтральн.”) ,
- П.А. Вяземский (род. 12 июля 1792) (Лев/Крыса) (2-ка) ,
- П.А. Плетнев (род. 10 августа 1792) (Лев/Крыса) (2-ка) ,
- М.А. Максимович (род. 3 сентября 1804г.) (Дева/Крыса) (“2-ка”) ,
- Н.И. Надеждин (род. 5 октября 1804г.) (Весы/Крыса) (“2-ка”) .

Пушкина и А.А. Дельвига в этой борьбе поддержали “2-ки” П.А. Вяземский и П.А. Плетнев, а также издатель альманаха “Денница” Михаил Александрович Максимович (род. 3 сентября 1804г.) (Дева/Крыса) (“2-ка”) (“Мы господина Максимовича давно считаем нашим литератором” - так Михаила Александровича Пушкин рекомендовал С.С. Уварову - министру народного просвещения). Кроме того, к блоку “2-ек” фактически присоединился Николай Иванович Надеждин (род. 5 октября 1804г.) (Весы/Крыса) (“2-ка”) - издатель журнала “Телескоп”, журналист и литературный критик, тот самый, которого позже в 1836-м (году Обезьяны) (“9-ка”) отправили в ссылку по делу “2-ки” Чаадаева. Формально Надеждин не входил в число литераторов-единомышленников той “бедной кучки”, о которой писал Александр Сергеевич, и, больше того, заочное, литературное знакомство двух авторов сопровождалось острой критикой и эпиграммами. Сблизила же “2-ек” Пушкина и Надеждина именно совместная борьба против “9-ок” Ф. В. Булгарина и Н.А. Полевого. Журнал “Телескоп”, таким образом, оказался в одной энергетической связке с “Литературной Газетой” и “Северными цветами”. В итоге

размежевание энергетических сил приобрело абсолютно непримиримый характер и продолжилось даже после того, как лагерь "2-ек" понес невосполнимые потери (сперва Дельвиг, потом Надеждин, следом Пушкин): в 1839-м году через два года после смерти Пушкина с завершением периода "9-ки" (1836-1838гг.) (Обезьяна-Петух-Собака) новый редактор "Телескопа" Виссарион Григорьевич Белинский (род. 30 мая 1811г.) (Близнецы/Коза) ("2-ка") подхватил эстафету противостояния Булгарину и Гречу, которым за неимением лучшего, нетребовательная питербуржская публика продолжала жадно внимать.

Двоюродный брат А.А. Дельвига барон Андрей Иванович вспоминал: *"...русской литературой в Петербурге завладели Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин, издававшие журналы "Сын отечества" и "Северный архив" и газету "Северная пчела". Первый из них был сильно заподозреваем в шпионстве, а последний был положительно агентом III Отделения канцелярии его величества, то есть шпионом. Они оба употребляли всякого рода средства, чтобы не допускать новых периодических изданий и держать литературу и своих руках".*

Жертвой "шпионов-литераторов" и, вообще, грязных методов "холодного полюса" стал Антон Антонович Дельвиг в 1830-м, а в 1836-м году Пушкин, хотя заговор "9-ки" против поэта был куда обширней.

Нет, однако, сомнений в том, что личности Греча и Булгарина, посредственных литераторов, но весьма циничных и ревностных шпионов Николаевской цензуры, не выдерживают никакого сравнения с другими, обласканными коронованной властью "9-ками", "9-ками" предшествовавшей эпохи - Карамзиным, Жуковским, Державиным. Те, литераторы с большой буквы, по праву владели умами публики. Но и время было другое - первая четверть XIX века, до разгрома декабристов. А здесь на лицо все признаки измелчания - прямое следствие административно-карательной системы Николая Палкина.

Некоторые сведения из *"прошедшей жизни Булгарина, которыми Пушкин так искусно воспользовался в статье о Мизинчике..."* (статья о шпионе Видоке) стали достоянием гласности уже тогда. Бартенев пишет: *"...полковник Владимир Николаевич Специнский, который в бытность свою в остзейских провинциях был свидетелем всех пакостей Булгарина, тогда еще ничтожного негодяя, и, услышав его имя у Нащокина, рассказал его историю".* А после повторил *"свой рассказ в присутствии Пушкина"*. Не трудно догадаться, о каких нелिцеприятных вещах идет речь.

Союз весьма порядочного дворянина Н.И. Греча с Булгариным невозможно объяснить, иначе, как конъюнктурными соображениями (Греч в разговорах и, позднее, в своих воспоминаниях осуждал литературную политику Булгарина, стремясь создать впечатление о вынужденном сотрудничестве с ним). Похоже, такое качество, как бескомпромиссность нельзя было отнести к сильным сторонам энергетически нейтрального Николая Ивановича. Умение приспосабливаться к требованиям времени (одно из свойств энергетической "нейтральности") удачливый редактор проявил еще в начале 1825-го (Петух) ("9-ка") года, сменив свою общественную позицию на "благонамеренные". А ведь он был весьма тесно связан с декабристами, и даже состоял секретарём (с 1815г.) и наместным мастером (1817-1818гг.) близкой к декабристам масонской ложи "Избранного Михаила". Встав на позиции официального политического курса, Греч автоматически пожертвовал своим энергетическим нейтралитетом в пользу "холодного" полюса. Так в его жизни появился Ф.В. Булгарин ("49"). Их совместное детище - газета "Северная пчела" родилось на свет в том же 1825-м ("9-ка") году. В итоге, "Сын отечества" Греча (этот журнал также был рожден в "9-ке" - в 1812-м г.), "Северная пчела" и "Северный архив" Булгарина превратились в единый рупор для выражения близкой правительству позиции "холодного" полюса. Этим же путем Фаддей Булгарин превращал свои доносы в действенное оружие против конкурентов из стана Пушкина. Таким образом, энергетическая природа этого реакционного, но успешного с коммерческой точки зрения союза более чем очевидна. А вот предпринятый в "2-ке" - в 1841-м г. (год Быка) - Гречем выпуск журнала "Русский Вестник" в союзе с Н.В. Кукольниковым (род. 8 сентября 1809г.) (Дева/Змея) ("нейтр.") и "9-кой" Н.А. Полевым оказался мало удачным.

И, тем не менее, не смотря на резкий полярный конфликт двух литературных партий в 1830-1831гг. (Тигр-Кот) ("24"), Пушкин не отождествлял полностью позиций Греча и Булгарина, и, интуитивно чувствуя энергетическую лабильность Николая Ивановича,

пытался даже привлечь его к участию в одном предполагавшемся издании. Так, уже 1 июня 1832г. по завершению года Кота (1831г.) ("4-ки") Греч писал Булгарину: *"С Пушкиным мы сходимся довольно дружно"*. Это удивительное энергетическое чутье Александра Сергеевича следует отнести к числу замечательных его качеств. Впрочем, поэту не удалось переманить издателя на свою сторону.

Некоторые другие личности также доставляли Пушкину немало хлопот. В частности издатель "Вестника Европы" М.Т. Каченовский (род. 1 ноября 1775г.) (Скорпион/Коза), как и Греч - энергетически нейтральный. Однако, в силу того, что жизненные обстоятельства не способствовали приобретению Михаилом Трофимовичем выраженной поляризации, он отличался энергетической непоследовательностью. Одно время он вел непрерывную борьбу с "Арзамасом", литературной и исторической школой "9-ки" Карамзина, а позже переключился на "2-ку" Пушкина. К.А. Полевой заметил: "Никто столько не досаждал ему <Пушкину> своими злыми замечаниями, как Булгарин и Каченовский" (своего брата и себя Ксенофонт Алексеевич почему-то не упомянул). Так что борьба за энергетическое влияние на умы читателей продолжалась, и противники вели себя, вполне согласуясь со своей полярной принадлежностью.

А вот довольно заметный журналист, автор многочисленных, правда, не отмеченных особым дарованием произведений, "биполярный" О.М. Сомов откровенно переметнулся из лагеря "холодного" полюса в лагерь Пушкина. История Ореста Михайловича Сомова (10--11(?) декабря 1793г.) (Козерог/Бык) ("92") весьма печальна и не менее поучительна, чем история Дельвига, с которым Сомов сблизился в 1827г. (год Кабана), как раз, по окончании периода "9-ки". Потом в "2-ке" (1828-1830гг.) он стал основным помощником Дельвига в издательских делах. Тесных контактов Сомова и А. А. Дельвига (по воспоминаниям двоюродного брата последнего) вначале не одобряли ни П. А. Плетнев, ни Софья Михайловна Дельвиг. Пушкин, конечно, тоже относился к Сомову с предубеждением, памятуя прошлые выступления его против Дельвига и связь с Булгариным (с "Северной пчелой" Булгарина и Греча Сомов сотрудничал на постоянной основе с 1825-го года). А.И. Дельвиг писал: *"появление его <Сомова> – так долго жившего в сообществе шпионов-литераторов, – в обществе Дельвига было очень неприятно встречено этим обществом. Наружность Сомова была также не в его пользу. Вообще постоянно чего-то опасющийся, с красными, точно заплаканными глазами, он не внушал доверия"*. Однако, сотрудником он оказался весьма преданным и добросовестным, во всяком случае поначалу. Вскоре Орест Михайлович *"сделался ежедневным посетителем Дельвига, или за обедом, или по вечерам"*, а *"жена Дельвига и все его общество очень полюбили Сомова"*. *"Он был самый добродушный человек, всю душою предавшийся Дельвигу и всему его кружку и весьма для него полезный в издании альманаха "Северные цветы" и впоследствии "Литературной газеты"*". И все же *"Пушкин продолжал обращаться с ним с некоторой надменностью"*, интуитивно не доверяя Сомову. Их отношения так и не сложились. И в первую очередь потому, что "9-ка" Булгарин сотоварищи свели в могилу столь горячо любимого Пушкиным Дельвига. Барон ушел из жизни не оставив средств жене и детям. Он принадлежал к старинному, но обедневшему дворянскому роду (на вопрос анкеты "сколько имеет во владении душ, людей, крестьян?" наследник баронского титула отвечал: "не имею"). Поэтому в конце 1831-го года Пушкин предпринял издание альманаха "Северные цветы" в пользу семьи почившего друга. Помогал ему в этом Сомов, как и прежде добросовестно, с самоотдачей. Вот только выручка от продажи оказалась ничтожной. Толи, как всегда, подвела "9-ка" (номер поступил в реализацию в начале 1832г (Козерог/Кот) ("49")), толи вечно нуждавшийся в деньгах Сомов, отвечавший за сборы, повел себя некорректно? Так или иначе, итогом этого недоразумения стала серьезная размолвка Пушкина и Сомова, приведшая к отстранению последнего от дел. Греч писал Булгарину 10 сентября 1832г.: *"Сомов совершенно отринут Пушкиным и никакого участия ни в чем с ним не имеет"*. Орест Михайлович оказался в изоляции. Печальным следствием этой истории стала неожиданная смерть Сомова в "2-ке" 27 мая 1833г. (Близнецы/Змея). Литератор покинул этот мир, отвергнутый противоборствовавшими партиями обоих полюсов, - ушел из жизни без видимых причин. Его энергетическое непостоянство, как следствие его "биполярности" сыграло с ним злую шутку. Коллизии полярных столкновений, заложником которых он стал, *"отвлекли его от самостоятельных произведений, потемнили его воображение, иссушили телесные силы, расстроили здоровье и в цвете лет низвели в могилу"* (Н.И. Греч).

1829 - 1934 гг

3 - О бароне Дельвиге

История “ленивого баловня судьбы”...

История “ленивого баловня судьбы”, от которого судьба отвернулась...

Барон Антон Антонович Дельвиг (6 [17] августа 1798) (Лев/Лошадь) ("нейтральн. ")

1830-е

Александр Сергеевич после ссылки возвращался к активной жизни уже в новом качестве “великого творца” русской словесности. Он несколько раз публично читал свои произведения (в частности, “Бориса Годунова”) на литературных вечерах, знакомился с литераторами, принимал участие в работе журнала “Московский вестник” и постоянно виделся со своими друзьями, восполняя дефицит общения, накопившийся за время вынужденной изоляции. В ссылке, в Михайловском, короткие визиты в разное время Н. М. Языкова, Пущина, Горчакова и Дельвига, были для опального поэта настоящим событием. А с бароном Антоном Антоновичем Дельвигом (род. 6 августа 1798г.) (Лев/Лошадь) ("нейтральн. ") удивительно теплые, даже восторженные отношения поэт поддерживал еще с лицейских времен. Анна Петровна Керн описала одну из встреч друзей: *“По отъезде отца и сестры из Петербурга я перешла на маленькую квартиру в том же доме, где жил Дельвиг, и была свидетельницей свидания его с Пушкиным. Последний, узнавши о приезде Дельвига, тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его объятия; они целовали друг у друга руки, и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях”*. По собственному признанию Пушкина, ему *“никто на свете не был ...ближе Дельвига”*. Поэтому преждевременную смерть барона в 1831-м году, совершенно неожиданную, Александр Сергеевич переживал, как личную трагедию.

Весьма поучительную, отражающую роковые особенности взаимодействия полюсов, историю барона стоит рассказать.

Друзей, Дельвига и Пушкина, связывали не только товарищеские, но и деловые отношения. Дельвиг, и сам поэт, активно занимался издательскими делами. В одном из писем он обращался к Пушкину как издатель: *“Теперь дело о деньгах. Ежели ты хочешь продать второе издание “Руслана”, “Пленника” и, ежели можно, “Бахчисарайского фонтана”, то пришли мне доверенность. Об этом меня трое книгопродавцев просят; ты видишь, что я могу произвести между ними торг и продать выгодно твое рукоделье. Издания же будут хороши. Ручаюсь”*. (Дельвиг - Пушкину. 10 сентября 1824 года.). По свидетельству жены барона Софьи Михайловны Дельвиг (род. 20 января 1806г.) (Водолей/Бык) ("биполярн. ") , Пушкин был завсегдатаем их дома и приходил к ним ежедневно (Петербург, Загородный пр., д.1 и участок д.9), куда семейство Дельвигов переехало в ноябре 1829-го года. Александр Сергеевич участвовал во всех изданиях своего друга в качестве сотрудника, помощника и редактора. А в 1830г. Антон Антонович предпринял издание “Литературной Газеты”, выходившей каждые пять дней. Душой этого предприятия был опять таки Пушкин, с самого возвращения из ссылки постоянно внушавший Дельвигу мысль об издании, которое было бы органом нового литературного течения. Такое близкое участие Пушкина в этом деле послужило для его литературных врагов основанием к измышлению, будто произведения самого Дельвига пишутся частью Пушкиным, а частью Баратынским. Фамилия Евгения Абрамовича Баратынского (род. 19 февраля 1800г.) (Рыбы/Обезьяна) ("9-ка") появилась не случайно. Роковая, в энергетическом смысле, дружба Дельвига с Баратынским началась в 1819-м (Кот) ("4-ка") году. Стремясь поддержать молодого поэта, находившегося тогда в затруднительном положении (в 1816-м году (Крыса) ("2-ка") Баратынский был разжалован в солдаты), барон Дельвиг пригласил его на заседание “Вольного общества любителей российской словесности”. Членами этого общества были многие видные литераторы (в т.ч. и Пушкин). Бывали на заседаниях и будущие декабристы. Поэзия Баратынского - изящная и выразительная, безукоризненная по форме, но вместе с тем,

холодная и порой меланхоличная, звучала заметным диссонансом страстному и зажигательному романтизму Пушкинского стиха. Это в известной мере отражало драматическое противостояние “холодного” и “горячего” полюсов, которые олицетворяли поэты. Показательна в этом смысле, книга, вышедшая в декабре 1828г. под названием “Две повести в стихах”: в ней опубликованы “Граф Нулин” Пушкина и “Бал” Баратынского. Литературные критики вполне заслуженно отвели Баратынскому одно из первых мест среди поэтов Пушкинского периода. Впрочем, соперничество поэтов не выходило за литературные рамки, однако и приязни меж ними не было. По словам Нащокина, “Баратынский не был с ним (с Пушкиным) искренен, завидовал ему, радовался клевете на него, думал ставить себя выше его глубокомыслием, чего Пушкин в простоте и высоте своей не замечал”. А вот энергетически “нейтральный” Дельвиг, в ущерб (по мнению критиков) своей литературной самостоятельности, поддерживал тесную дружбу и с “2-кой” Пушкиным, и с “9-кой” Баратынским.

Получивший от друзей прозвище “ленивый баловень судьбы”, Антон Антонович как-то ловко проскочил мимо всех неприятностей декабрьского восстания, в 1825-м году женился на “биполярной” Софье Михайловне и вполне соблюдал свой энергетический “нейтралитет”. Но с возвращением Пушкина в Петербург в 1827-м году, и с наступлением периода “2-ки” (1828-1830гг) (Крыса-Бык-Тигр) , чаша весов в метафизическом треугольнике (Пушкин (2-ка) - Дельвиг (нейтральн.) - Баратынский (9-ка)) стала заметно клониться в сторону “горячего” полюса .

Реакция “9-ки” , вполне предсказуемая, все же заставила себя ждать вплоть до конца 1830-го года, когда у барона Дельвига случились трагические неприятности.

28 октября 1830г. вышел в свет N 61 “Литературной газеты”, где были помещены стихи Казимира де ла-Виня о жертвах июльской революции во Франции. Недруги Пушкина и Дельвига (Ф.В. Булгарин (род. 24 июня 1789г.) (Рак/Петух) (“49”)) поспешили воспользоваться ситуацией - подвернулся удобный случай расправиться с соперником. Политическое доноительство при Николае I (4-ка) стало нормой. И в ноябре (с наступлением “9-ки”) у издателя “Литературной газеты” состоялся унижительный разговор с главным “де-факто” цензором, начальником жандармов (“биполярным, но на стороне “холодного полюса”) А.Х. Бенкендорфом. Барон Дельвиг лишился права издавать газету. Тяжелейший удар! К тому же Бенкендорф, откровенно груб, пригрозил ссылкой в Сибирь.

Несмотря на хладнокровие, с которым барон держался во время беседы, он был в отчаяние. На этом, однако, кашмар не закончился. Дома (тот самый д.1, участок д. 9(!)) его ждал удар - “вступила в игру” “9-ка” “биполярной” баронессы Софьи Михайловны. Дельвиг застал жену в объятиях любовника. Для легкоранимого поэта - то, что он увидел, было непереносимо. Приводя подробности той сцены, современники ссылались на малоизвестные и не публиковавшиеся воспоминания “9-ки” - того самого Е.А. Баратынского, который, конечно же, правду знал. Любовником Софьи Михайловны был ни кто иной, как младший брат Баратынского - Сергей Абрамович, впоследствии взявший вдову барона в жены.

Барон А.А. Дельвиг скончался 14 января 1831г. (Водолей/Собака) (9-ка) после полутора месяцев тяжелой нервической лихорадки. Пушкин получил известие о смерти Дельвига 18 января (ровно за месяц до собственной свадьбы!). Что и говорить, – это был тяжелый удар и для поэта. В лице Дельвига он терял друга детства и юности: *“из всех связей детства”,* писал он Плетневу 21-го января, *“он один оставался на виду: около него собиралась наша бедная кучка, без него мы точно осиротели”.* *“Грустно, тоска. Вот первая смерть мною оплаканная... никто на свете не был мне ближе Дельвига”.*

Осталась без отца и малютка - дочь барона - “2-ечка” Лиза (род. 7 мая 1830г.) (Телец/Тигр) , которой к этому времени не исполнилось еще и года.

P.S. Софья Михайловна, конечно, была личностью незаурядной, но “биполярность” наложила свой особый отпечаток. В юности она зачитывалась «несравненным Пушкиным», знала наизусть все им напечатанное, да так, что преподаватель женского пансиона П. А. Плетнев в шутку называл ее «Александрой Сергеевной». Это привело ее в стан “2-к” . О Пушкине она писала в письме подруге: «Невозможно иметь больше ума, чем у Пушкина, — я с ума схожу от этого». Пушкин и благословил своего друга на свадьбу с Софьей Михайловной.

Но все испортилось, когда жена барона Дельвига попала под влияние Анны Керн (род. 11 [22] февраля 1800)(Рыбы/Обезьяна)(9-ка) . Постепенно "9-ка" взяла верх...

This is the final element on the page and there should be no margin below this.

4 - Пушкин и московские литераторы

Погодин, “любомудры” и др.

Считается что в Москве поэт был счастлив. Родился, женился и т.п.
Однако,...

Александр Сергеевич долгое время не мог определиться с кругом своих энергетических союзников. По крайней мере, в Москве ему это сделать не удалось. Исследователь его творчества Б.В.Томашевский пишет: *“Пушкин в первое же время <по возвращению из ссылки> стал искать связей с литературными группировками. Такой группой, с которой он вступил в ближайшие сношения, оказалась группа московской молодежи – в лице М. П. Погодина, С. П. Шевырева, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Веневитинова и др., группа, являвшаяся ядром позднейшего славянофильства. Правда, эту группу разделяло от Пушкина увлечение ее идеями немецкой идеалистической философии, шеллингианством”. “Вместе с Погодиным Пушкин замыслил издание журнала “Московский Вестник”, в котором намеревался усердно сотрудничать”.*

Но союз Пушкина с московской группой длился недолго. Мало-помалу, Пушкин отошел от дел в новом журнале, и тот просуществовал лишь до 1831 года. Михаил Петрович Погодин родился 1 ноября 1800г. (Скорпион/Обезьяна), т.е. энергетически был “9-кой” . И хотя, в целом, группа “любомудров” (это название придумал друг Пушкина С.А.Соболевский (“нейтр.”)) тяготела к “2-ке” (С. П. Шевырев, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Д.В.Веневитинов - все были “2-ки”) все же отношения с Пушкиным не складывались. Шеллингианство “любомудров” носило реакционный характер, было обусловлено политической конъюнктурой и, прежде всего, доминированием “9-ки” (философ Фридрих Шеллинг родился 27 января 1775г. (Водолей/Коза) (“9-ка”)). Это интуитивно отталкивало Александра Сергеевича, к тому же в лице главного редактора “Московского вестника” “9-ки” Погодина энергетического сподвижника поэт себе не находил.

В дневнике Погодина немало записей, проливающих свет на характер энергетических отношений автора записок и Александра Сергеевича. Вот, например: 1930-й год 21 марта *“...Пушкин сердится ужасно, что на него напали все”* (речь идет о несправедливой критике на грани доноса в адрес поэта). И чуть раньше: *“Рассказывал (Пушкин) о скверности Булгарина, Полевого хочет втоптать в грязь и пр. Давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о доносах, о фискальстве Булгарина)”*. И Булгарин, и Полевой - “9-ки” . И, конечно же, поэт рассчитывал на поддержку “Московского вестника”, журнала оппозиционного “Московскому телеграфу” братьев Полевых. Но нет! Хоть Пушкин и помогал “Московскому вестнику” встать на ноги, все же в решительный момент поддержки от “9-ки” не получил. Такое впечатление, что Погодин и сам подсознательно чувствовал свою “энергетическую природу”: *“...меня пугает мысль выводить Петра. Это дух вызываемый!”* (Погодин пытался писать о “2-ке” Петре I, - это была явно не его тема. В противоположность ему, Пушкин создавал живой и даже мистический образ Петра в своих произведениях не только без страха, но, порой, и без должного пиетета, что приводило к известным трудностям с цензурой).

Вот еще из дневника Погодина: *“Завтра 19 число, придет посланный из Москвы. Это число мне благоприятное(!), как кажется, и я могу получить: 1) письмо от Аксакова, приехавшего в Москву, и впечатления его при чтении “Петра”, <...> 3) письмо от Пушкина о Петре. <...>”* И далее: *“19-ое. <...> Ожидал с нетерпением посланного. Едет. Разочарование. Записка пренеприятная от Аксакова о деньгах. <...> Прочих писем от Пушкина и пр. нет.”* Как видим, ожидания “9-ки” Погодина не оправдались, так как связаны были с “2-ками” (Пушкин; мнение о “Петре” - “2-ка” ; С.Т.Аксаков - “нейтр.” , но тяготевший к “2-ке” , враждовавший с “9-кой” Полевым, ставший позже преданным другом “2-ки” Н.В.Гоголя).

Одним словом, в начале 1830-х произошло взаимное отдаление "2-ки" Пушкина и "9-ки" Погодина, обусловленное скрытым, но нарастающим антагонизмом их литературных, общественных и "энергетических" позиций. А еще это произошло потому, что рано ушел из жизни Дмитрий Владимирович Веневитинов (род. 14 сентября 1805г.) (Весы/Бык) ("2-ка") поэт и критик, четвероюродный брат Пушкина, один из основных организаторов и участников "Московского вестника" и фактический глава кружка "любомудров". Веневитинов еще с 1825-го года очень верно понял и разобрал в своих критических работах творчество Пушкина с общефилософских и эстетических позиций. Между критиком и поэтом установилась особая атмосфера творческого взаимопонимания, но "9-ка" уничтожила Веневитинова, не дав "2-ке" усилить свое влияние в московском окружении поэта. В конце октября 1826г. (год Собаки) ("9-ка") Веневитинов уехал в Петербург (центр "9-ки") на место новой службы, простудился (очевидно зимой) и 15 марта 1827г. умер. Пушкин глубоко сожалел, что *"так рано умер чудный поэт"*. "Почему вы дали ему умереть?" - спрашивал он "9-ку" Анну Петровну Керн, свидетельницу этого печального события. В ее лице поэт интуитивно досадовал на неумолимые силы враждебной ему "энергетической природы".

Александра Сергеевича в Москве все больше стали окружать "9-ки", которые все меньше стеснялись давить на него. Показателен в этом отношении приезд в город польского поэта Адама Мицкевича (род. 24 декабря 1798г.) (Козерог/Лошадь) ("9-ка") в октябре 1826г. Частые встречи, чтения стихов, обсуждения, приемы - все это было. И Пушкин, как и большинство литераторов вокруг, восторженно отнесся к таланту знаменитого поляка. Однако, интересно, что всеобщее восхищение явилось поводом к следующему замечанию Жуковского ("49"), приведенному со слов самого Пушкина в воспоминаниях "9-ки" Полевого: *"Он (Пушкин) начал говорить о нем (о Мицкевиче) и, невольно увлекшись в похвалы ему, сказал между прочим: - Недавно Жуковский говорит мне: знаешь ли, брат, ведь он заткнет тебя за пояс"*.

В общем, "девяточная" атмосфера сгущалась.

Выход? В мае 1827-го года Александр Сергеевич переезжает в Санкт-Петербург. Да и Мицкевич (в 1829г.) возвращается в Польшу. А после Польского восстания 1830–1831гг. политические позиции (в том числе, как следствие разности энергетических) Пушкина и Мицкевича расходятся совсем, что и в творчестве нашло свое отражение (например, в "Медном всаднике" Пушкина).

Вообще, по словам С.П. Шевырева, *"Москва неблагородно поступила с ним <с Пушкиным>: после неумеренных похвал и лестных приемов охладела к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве и наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной того, что <он> оставил Москву"*.

В Петербурге поэта ждал, как ему казалось, круг старых, преданных друзей, на объективность и поддержку которых, он мог рассчитывать: А.А. Дельвиг ("нейтр."), П.А. Вяземский ("2"), П.А. Плетнев ("2") и др. Так оно и было, конечно. Но и вызовы ждали другие...